

Александр Леонидович Казин – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой искусствознания Санкт-Петербургского государственного университета кино и телевидения, старший научный сотрудник Российского института истории искусств, член Союза писателей и Союза кинематографистов России, член исполнительного совета общественной организации «Собор православной интеллигенции Санкт-Петербурга», автор работ по философии культуры, в том числе книги «Последнее Царство. Русская православная цивилизация», изданной в 1998 году по благословию Святейшего патриарха Московского и всея Руси Алексия II, и книги «Великая Россия. Религия. Культура. Политика», удостоенной в 2008 году литературной премии «Александр Невский»

Православный фундаментализм и российское обновление

Законы истории – таинственная вещь. Об их смыслах и движущих силах спорят уже не одно столетие. Не так давно получила распространение теория Льва Гумилева о пассионарных волнах, которые неожиданно приходят из космоса, приводят в движение целые империи и народы. Есть мнение, уподобляющее историю стреле, летящей из прошлого в будущее по заранее предопределенной траектории. Либералы и марксисты – каждый на свой лад – верят в то, что эта траектория ведет нас от низших форм к высшим – либеральному «концу истории» или торжеству коммунизма. Что касается христианских мыслителей, то их взгляд на историю лишен наивного оптимизма и слепой веры в прогресс. В прошлом человечества можно разглядеть не только движение от простого к сложному,

но и топтание на месте, временный упадок и даже длительный регресс. В христианском мировоззрении история предстает вечной и противоречивой борьбой двух сил – Бога и дьявола, правды и лжи. Ее истинный смысл лежит за пределами мира сего. Этот смысл во всей полноте откроется людям только в эсхатологической перспективе.

В истории нашей страны можно выделить три больших периода – классический, модернистский и постмодернистский. Классическая цивилизация развернута по вертикали и устремлена к идеалу – то есть к Истине в христианском понимании. В этом смысле нашей материнской цивилизацией является Восточная Римская империя – Византия, для которой вся социокультурная практика свелась к осуществлению православного идеала. Власть в парадигме классической культуры понимается как

высший онтологический порядок, проистекающий от Всевышнего. Поэтому фраза «Мы, милостью Божией император Александр II» воспринималась полтора столетия назад как нечто само собой разумеющееся и не вызывала усмешек у большинства жителей Российской империи. И дело здесь не в идеализации монархической формы правления, ибо земной царь — вовсе не обязательно святой, а земное царство — отнюдь не Эдемский сад. В конце концов, предназначение государства и государя состоит не в том, чтобы построить рай на земле, а в том, чтобы не превратить ее в ад. В Европе классическая (традиционная) эпоха продолжалась до Великой французской революции конца XVIII века, а в России — до февраля 1917 года. После этого мы вступили в эру Модерна, когда в мировоззрении людей на место Бога пришел человек и сознание стало основываться на четырех идеологических «китах» — атеизме, либерализме, национализме и социализме. Все названные «киты» — порождения Модерна, но, как и всякие родные братья, они могут ссориться (наглядный пример — холодная война между социалистическим СССР и либе-

ральными США), а могут и мирно друг с другом уживаться. В России же парадокс советской власти заключался в том, что она под флагом марксизма смогла продолжить классическую линию развития цивилизации. Советский Союз хранил верность вертикальному устройству власти и, хотя и в превращенной форме, оставался монархическим государством. Генсеки были своего рода царями.

Такая ситуация оставалась в России вплоть до «застойных» 1970-х годов, когда энергетический импульс Модерна стал иссякать. В стране начал постепенно утверждаться Постмодерн, который не ориентируется ни на какие высшие ценности и цели вроде свободы, равенства, братства, нации или социальной справедливости. Постмодерн — это игровая цивилизация, занимающаяся исключительно свободной перекодировкой смыслов и ничем более. Если в эпоху Модерна для многих людей умер Бог, то с пришествием в

мир Постмодерна умер и сам человек.

Особый путь России

У каждой большой страны-цивилизации свой путь в этом мире. Китай — это не Америка, а Индия — отнюдь не Пакистан.

Действительная, а не мифическая особенность России состоит в том, что у нас три эпохи мировой истории — классическая, модернистская и постмодернистская — существуют сегодня в рамках одной страны-цивилизации. Мы оставались своего рода «новой Византией» вплоть до начала XX века, с трудом переваривая насильственную петровскую модернизацию и создавая на ее основе великую культуру. Более того, мы оставались «новой Византией» и после октября 1917-го, когда еще более жестокий коммунистический Модерн поначалу чуть не убил страну, но затем — неожиданно для самих ленинцев-троцкистов — собрал ее в некое подобие «красной импе-

Парадокс советской власти заключался в том, что она под флагом марксизма смогла продолжить классическую линию развития цивилизации. Советский Союз хранил верность вертикальному устройству власти и, хотя и в превращенной форме, оставался монархическим государством.

рии». Однако в декабре 2011 года внезапно произошло столкновение трех культурных, политических и, в конечном счете, религиозных потоков отечественной истории. Эта ревущая встреча привела в движение тысячи людей в российских столицах, вогнав страну в зону социальной турбулентности и крайней политической неустойчивости. В гуще исторической схватки оказалась классическая — «византийская» — установка на вертикальную власть, которую представляет действующее государство и прежде всего Владимир Путин. Пусть и с многочисленными издержками, ошибками и пороками, он смог возродить российскую государственность, отстоять территориальную целостность страны и создать властную вертикаль. Он сумел ограничить влияние олигархов («иных уж нет, а те далече») и ввести власть денег хотя бы в какие-то державные берега. Так или иначе при Путине Россия значительно усилилась как государство, а наличие государства (пусть и тяжело больного коррупцией) всегда лучше, чем хаос и анархия.

Наряду с государственнической линией в декабре 2011 года громко заявил о себе модернистский вектор отечественной истории, представленный либерализмом, социализмом (коммунизмом) и национализмом. Какие флаги развевались в Москве на Болотной площади, а в Петербурге — на Пионерской? В первую очередь знамена различных либеральных партий и движений, лидеры которых мечтают превратить Россию в «нормальное европейское государство» и привить нашему народу западные ценности. На московских и питерских площадях были заметны также красные флаги коммунистов, что неудивительно —

русская душа всегда была отзывчива к идеям социальной справедливости. Кроме того, в «болотный» модернизм влилась и националистическая идеология. Появление национализма в эпоху Модерна понятно и объяснимо — это естественная реакция на космополитизм, вера в силы своего народа и желание ему успеха. Но опасность приходит, когда здоровый национализм вырождается в шовинизм — то есть в ненависть к другим народам. При всей важности нации ее, с точки зрения христианского мировоззрения, ни в коем случае нельзя ставить на место Бога, который является главным творцом мировой истории.

Кроме того, в конце прошлого года появился и новый социальный актор — «сетевой народ» Москвы и Петербурга, продукт культуры Постмодерна. Эти люди живут не столько в реальной России, сколько в виртуальном мире Интернета, законы которого они хотят перенести в нашу действительность. Любители флеш-мобов, пародий и едкой сатиры, такие «сетевые хомячки» не исповедуют никаких метафизических идей, будь то христианство, социализм, нация или даже классический либерализм. Для них главное — увлекательная игра и наслаждение жизнью в различных ее проявлениях. И им, конечно, чужда любая ценностная вертикаль и иерархия — в политике, искусстве, обществе или идеологии.

Так что же у нас происходит?

Налицо типичное проявление того состояния главным образом интеллигентских умов, которое вернее всего назвать комплексом «антивласти» и которое в традиционной Руси чаще именовали смутой. Смысл слова «смута» в русском языке понятен — это мя-

теж гордого духа и разруха в головах. Это демонстрация враждебности к существующему государству без достаточных на то фундаментальных — прежде всего экономических и социальных — оснований. Московские и петербургские митинги показали, что независимо от лозунгов вроде «честных выборов» их организаторы движимы, по существу, одной страстью — свалить традиционную («византийскую») власть. Они кричат: «Путин, уходи!» — но на самом деле гонят не столько Путина, сколько идею государственности как таковую. Государство — это узаконенная (юридически упорядоченная) национальная практика, опирающаяся на определенные — в нашем случае православные — духовные ценности. И вот как раз подобной вертикальной организации жизни наши либерал-большевики не выносят и мечтают от нее избавиться любой ценой.

Сто лет назад «продвинутая» элита и либеральная интеллигенция объявили войну классической вертикальной власти в лице царя и Церкви, возмечтав превратить Россию в либеральную республику типа Франции. Многие из высших чиновников Российской империи, либеральных думцев и даже представителей генералитета и великих князей во время февральских событий ходили по Петрограду с красными ленточками. И сегодня в толпе митингующих оппозиционеров мы можем встретить видных представителей современного российского истеблишмента. В феврале 1917 года лозунг «Долой самодержавие!» горячо поддерживали многие деятели «серебряного века», богемные обитатели «Бродячей собаки» и завсегда таи блистательных светских салонов Петрограда. Точно так же лозунг «Россия без Путина!» сегодня готовы кри-

чать на всех площадях представители столичной богемы — писатели, телеведущие, рокеры, музыкальные критики и гламурные «светские львицы». Однако, вопреки всему совокупному Модерну и Постмодерну, то есть объединенной оппозиции коммунистов, националистов и либералов, наш «византийский» народ избрал 4 марта Путина президентом России — в этом сомневаются только те, которые хотят сомневаться. Его поддержало подавляющее большинство участвовавших в голосовании. Сегодня Путин — это первый со времен Сталина руководитель России, обладающий мощной личной харизмой и целеустремленной политической волей.

Однако всё только начинается. В свое время Арнольд Тойнби предложил теорию цивилизации, работающей по принципу «вызов—ответ». Нашему новоизбранному президенту в ближайшее время придется столкнуться со многими вызовами, и судьба России в значительной мере будет зависеть от того, какие ответы на эти вызовы удастся найти ему и поддерживающему его народу.

Классическую установку на вертикальную власть представляет действующее государство и прежде всего Владимир Путин. При нем Россия значительно усилилась как государство, а наличие государства (пусть и тяжело больного коррупцией) всегда лучше, чем хаос и анархия.

Глубинные корни коррупции

Основные принципы путинской политики — сильная государственность (вертикаль власти), рыночная экономика, свободная культура и независимый внешнеполитический курс. Первым препятствием для действий на каждом из указанных направлений является коррупция. Каждый житель России по своему опыту знает, что без различного рода «распилов» и «откатов» у нас почти ничего не делается. За деньги можно купить судебную должность и ученую степень, за деньги представители правоохранительных органов отпускают преступников или даже сами превращаются в ОПГ. Почему это так? Казалось бы, в других — так называемых развитых — странах масштабы служебной продажности значительно меньше. Причина такого положения

дел не только в том, что на Западе капитализм, так сказать, устоялся и приобрел общепринятые юридические очертания (кстати, сейчас он, несмотря на это, трещит по всем своим финансовым швам). Дело в том, что западная рационалистическая цивилизация сумела подвергать под законы рынка всю свою культуру, нравственность и даже само христианство. Значение Реформации, Просвещения и последовавших затем революций заключалось в том, что они переключили религиозную энергию людей с неба на землю. По мере развития и укрепления универсально-рыночных отношений западный человек неуклонно утверждал себя как земного бога. Реформация и Просвещение закрепили в духовной сфере, культуре и мировоззрении подобное самообожествление евроамериканца. Только при ука-

Кадр из фильма «Царь» режиссера Павла Лунгина

Никакой прогресс не обходится без значительных и прежде всего духовно-нравственных потерь, и нередко эти потери превышают цену самого прогресса. В сущности, речь идет о борьбе святыни и жизни – кто кого? Ценности духа вступают в противостояние с идеей овладения миром.

занных обстоятельствах мог быть нравственно оправдан капитализм – своего рода интернациональная мастерская по производству меновых стоимостей, где гарантированный обмен услугами есть прежде всего результат работы на себя, ради своей выгоды, холодного эгоистичного расчета.

Вот этого-то как раз до сих пор и не выносит русская – православная по своим истокам – душа. Недаром люди типа Игоря Юргенса и Владимира Познера сетуют, что православие тормозит развитие капитализма в России. Ни Реформации, ни буржуазного Просвещения у нас так и не случилось. «От трудов праведных не наживешь палат каменных», – говорит русская пословица. Собственно это только пересказ евангельского изречения о том, что легче верблюду пройти сквозь игольные уши, чем богатому

войти в царство небесное. И когда народу в ходе революции 1991–1993 годов навязали, во все не спросив его, дикий капитализм, многие, что называется, поддались. Если реальным «богом» вновь обретенной посткоммунистической свободы стали деньги, то какие могут быть нравственные барьеры? Если Бога нет, то всё позволено...

Вот тут новому-старому президенту и придется принимать решительные меры. Они, конечно, должны быть системными – от добровольных деклараций о доходах/расходах до ужесточения уголовного наказания за взятки вплоть до высшей меры, как это делается в Китае. Не Путин лично учредил такую «тотальную рыночность» в России – наоборот, он всегда старался по мере сил удержать ее в приемлемых для государственности рамках. Однако это трудная – именно метафизически труд-

ная – задача. К каждому проверяющему не приставишь еще одного проверяющего. Никакая политическая конкуренция и многопартийность сами по себе с коррупцией не справятся: вор у вора будет дубинку тянуть. Здесь необходимо совокупное действие правовых, культурных и религиозно-нравственных энергий, когда «большой народ» будет чувствовать, что строит не олигархический рай для десяти процентов населения (да и то обитающего в основном за границей), а для того целого, которое и называется Россией. Конечно, для этого нужны кадровые перемены – прежде всего для выработки национальной идеологии, в том числе для проектируемого общественного телевидения, которое сегодня выступает повседневным воспитателем (а по сути – развратителем) народа. Необходима также периодическая ротация властных группировок – иначе многие бюрократические «рыночники» вполне могут продать/предать и Родину, и самого президента. Уж если рынок – так рынок.

Парадоксы прогресса

В последние годы с легкой руки экс-президента Медведева много говорили о модернизации, рекламировали Сколково и др. Безусловно, модернизация — как прогресс техники и технологии — просто необходима. Однако следует отдавать себе отчет в том, какой будет цена этого самого прогресса в сферах культуры, мировоззрения и политики.

При размышлении о прогрессе мы сталкиваемся с одной из характерных для нашего Отечества антиномий — противоречием в законе, когда оказываются правы одновременно как сторонники всеобщей модернизации/глобализации России, так и ее противники. С одной стороны, модернизационный прогресс необходим хотя бы для того, чтобы нас не стерли в порошок передовые в технологическом отношении страны (технократические лидеры). «Знание — сила» — эта формула Бэкона приобретает все более буквальный смысл. Никакая страна не может сегодня закрыться от мира.

С другой стороны, никакой прогресс не обходится без значительных и прежде всего духовно-нравственных потерь, и нередко эти потери превышают цену (прагматический успех) самого прогресса. Вся техносфера нынешнего «продвинутого» мира — от воображаемых компьютерных вселенных до небоскребов — моделирует отнюдь не ангельские нормы современного общества, причем как на Востоке, так и на Западе. Достаточно сказать, что примерно половину циркулирующей в Интернете информации составляет порнография. Наши дети уже почти не читают книг, предпочитая им виртуальные стрелялки и догонялки, в которых живых людей постепенно замещают клоны и киборги. И восточнохристиан-

Лука Синьорелли. Фрагмент фрески собора в Орвьето «Дняния антихриста». Около 1501

В человеческой цивилизации возрастают одновременно сумма добра и сумма зла, порядка и хаоса. Таков основной парадокс истории в этом несовершенном мире. Путину уготовано выступать судьей в таком споре — не росчерком пера, а последовательной цивилизационной политикой.

ская цивилизация (сознательно или бессознательно) сопротивляется такому прогрессу. В сущности, речь идет о борьбе святости и жизни — кто кого? Ценности духа вступают в противостояние с идеей овладения миром, причем русская культура переживает это противостояние особенно остро.

На постхристианском Западе люди согласились (и внутренне, и внешне) жить без идеала — так оно богаче и спокойнее. В Англии даже нательные кресты запретили. Восточнохристианская (русская) история оказалась более устойчивой в плане базисных жизненных установлений — тут и реальная монархия вплоть до начала XX века, и идея коммунизма

Тройное давление Модерна

Недавние президентские выборы выразительно подтвердили базовый духовный и социокультурный расклад нашего общества: 63 процента Путина — это русская классика, 17 процентов Зюганова и 4 процента Миронова — левый Модерн, 6 процентов Жириновского — либерал-национализм, наконец, 7 процентов Прохорова — либерал-постмодернизм. Все три последние общественно-культурные установки в качестве разновидностей Модерна объединены атеизмом (безбожием) и противостоят классической русской религиозно-государственной традиции, представляемой в нынешней России Русской

национальном плане личная свобода стояла на государственной службе. «Я рожден для службы царской» — это непустые слова лихого гусара Дениса Давыдова. Служилыми условиями на Руси были все: и дворянство, и крестьянство, и купечество, и буржуазия. Все понимали (лучше сказать, чувствовали), что державная вертикаль в России является не чьей-то выдумкой или «отсталостью», а естественной и даже единственно возможной формой социальной организации народа, который хочет жить не по выгоде, а по правде. Наши партии — отнюдь не политические, а мировоззренческие, и как раз поэтому безумием для страны было бы менять мировоззрение/политику каждые четыре года. Государство на Руси успешно действует лишь в той мере, в какой оно обладает священной харизмой — нет власти не от Бога. Коль скоро государство эту харизму утрачивает, в стране начинаются кризисы, смуты, революции, гражданские войны.

Двое «детей» Модерна, влияние которых в будущем, несомненно, будет расти, — это социализм/коммунизм и национализм. Задача будущей власти по отношению к ним заключается в том, чтобы взять от них лучшее, отделяя вместе с тем коммунистическую и националистическую пшеницу от плевел. Социалистические и коммунистические убеждения в нашей стране, судя по результатам последних выборов, поддерживают около четверти избирателей (Зюганов + Миронов). В той мере, в какой коммунизм остается модернизированным вариантом «последней правды буржуазности», то есть учением о справедливом производстве и распределении материальных благ как смысле человеческого бытия, он должен быть подвергнут философской и прежде всего религиозной критике. Однако он расценивает

Русский национальный коммунизм оказывается объективным союзником православно-патриотических сил, стремящихся вывести Россию из тупика, в который она попала в результате необузданного переворота конца XX века.

как жизни по справедливости, и нынешняя «суверенная демократия», больше похожая на превращенную форму «самодержавной республики» (в духе славянофильских проектов XIX века). Многотысячные митинги на Поклонной, в Лужниках и на Манежной как нельзя лучше подтвердили это. В человеческой цивилизации возрастают одновременно сумма добра и сумма зла, порядка и хаоса. Таков основной парадокс истории в этом несовершенном мире. Президенту Путину вольно или невольно уготовано выступать судьей в таком споре — разумеется, не росчерком пера, а последовательной цивилизационной политикой с опорой на пока еще здоровое большинство народа и Русскую православную церковь. Его противники тоже это понимают и потому всячески стараются опорочить и то и другое («быдло», кощунственные «панк-молебны» в храме и т.п.).

православной церковью и президентской вертикалью.

Если говорить о вызовах, то именно эта традиция оказалась ныне мишенью главного удара. И готовят этот удар внутренние и внешние либералы/свободопоклонники — от «Парнаса» до «Лиги избирателей», от миллионеров-писателей, сочиняющих издевательские стишки, до «музыкальных критиков», изображающих на митинговой трибуне презервативы. Свобода — это, конечно, великое благо и условие всего остального. Однако свобода не может быть самоцелью. Весь вопрос в том, «от» и «для» чего эта свобода. У «большого народа» вполне определенное отношение к свободе. Индивидуалистическая свобода, свобода самоутверждения русскому человеку не близки, они его не вдохновляют. Всегда были, конечно, особо вольнолюбивые слои русского населения («казаки-разбойники»), но в обще-

капиталистическую организацию жизни — производство финансовой прибыли — как бесчеловечную и аморальную, и потому русский национальный коммунизм оказывается объективным союзником православно-патриотических сил, стремящихся вывести Россию из тупика, в который она попала в результате необуржуазного переворота конца XX века. Фундаментальное противоречие глобального рыночного «человейника» XXI века состоит в том, что здесь под влиянием виртуализации ключевых ценностей бытия («общество спектакля», по выражению Ги Дебора) образ Божий в человеке распадается быстрее и внешне незаметнее, чем в условиях предшествующих антагонистических эпох. Внутриисторический апокалипсис Запада происходит в декорациях материального изобилия и технологического процветания. Постмодернистский вальсасаров пир в разгаре. Именно поэтому русским государственным и русским коммунистам необходимо поддерживать друг друга в патриотической и духоподъемной деятельности на фоне фронтальной антихристианской атаки по всему миру. И при этом стремиться по возможности сблизить свои мировоззренческие позиции. Россия у нас одна.

То же самое касается и национализма. На современном общественно-политическом поле присутствуют три национализма — православный, национально-демократический и языческий. Разумеется, только с первым национализмом стоит иметь дело, однако его все-таки лучше называть не национализмом, а стремлением к сохранению основных культурных ценностей и традиций русского народа, точнее, Русского мира, который включает в себя отнюдь не только этнических русских. Именно такие акценты присутствуют

в статье Путина по национальному вопросу, опубликованной перед выборами (русское ядро имперского типа). Что касается двух других национализмов, то они требуют четкой оценки. Первый из них представлен типичными национал-либеральными идеологами, которые непосредственно продолжают европейскую буржуазно-демократическую линию в национальном вопросе, стремясь встроить русский народ в концерт цивилизованных западных (правда, постхристианских и фактически вырождающихся) этносов. Неслучайна у них, между прочим, и ссылка на декабристов-масонов: те не только царскую семью собирались вырезать, но и многих инородцев выслать в весьма отдаленные края. Языческий же русский национализм имеет однозначно антихристианскую направленность — опять-таки вопреки «большому народу».

Постмодерн как последний вызов

Сейчас много говорят о том, что у нас образовались две партии — «партия телевизора» и «партия Интернета». Отчасти это верно, но только отчасти, потому что, в отличие от «телеманов», профессиональные «интернетчики», живущие в своих твиттерах, в принципе не могут образовать никакой партии. Не только потому что их относительно мало. Партия — это, как известно, часть, сторона целого, а Интернет сам по себе есть некое целое, правда, особого рода. Его центр везде и нигде.

То, что происходило на «болотно-пионерских» площадях в Москве и Петербурге, есть типичное проявление «цветной» революции, основанной на сетевой идеологии Постмодерна. Сегодня арсенал подобных постмодернистских сетевых проектов выглядит просто впечатляющим. В мировоззренческом плане, конечно, речь

идет о едином культурно-политическо-экономическом суперпроекте. Несущими конструкциями этого проекта выступают прежде всего транснациональные финансово-промышленные группы, обладающие контролем над ресурсами и все более склоняющиеся к экономике спекулятивного, а не производительного типа. Мощную поддержку им оказывают международные информационные сети вроде глобального телевидения или Интернета. Эти медийные галактики проецируют свои игровые ризомы («кусты», вербальные «грибницы», лишенные центральной точки отсчета) на ровные смысловые плоскости, где люди и вещи уже не имеют естественного «своего места», а лишь отражаются (играют) друг в друге. Чего нет в электронном поле, того не существует — это нынче не шутка, а суровая действительность.

Возьмем, к примеру, те же самые митинги «рассерженных горожан». Каждый такой постмодернистский спектакль тщательно режиссируется, снабжается соответствующими либеральными лозунгами, музыкально-танцевальной рок-оснасткой и т.п. Более того, даже нелиберальные общественные силы (например, коммунисты и часть националистов), включаясь в подобный коллективный перформанс, работают не столько на себя, сколько на него. Всякая партийная политика, опирающаяся на твердо сформулированные основания, становясь элементом карнавала, сама оказывается карнавальной. Ксюша Собчак, требующая себе свободы, мгновенно дискредитирует любой обоснованный (или вздорный) протест, подверстывая его под свою якобы игровую, а на самом деле демоническую энергетику. Партийные структуры — это наследие европейского

Бартоломей Штробель. Валтасаров пир. Около 1618

Апокалипсис Запада происходит в декорациях материального изобилия и технологического процветания. Постмодернистский валтасаров пир в разгаре. Нашим государственным и коммунистам необходимо поддерживать друг друга на фоне антихристианской атаки по всему миру.

Модерна — кажутся в постмодернистском сетевом контексте чем-то безнадежно устаревшим. «Сетевым хомячкам» не нужны никакие партии — они хотят рисовать члены на Литейном мосту и задирать ноги в храме Христа Спасителя. В этом и состоит стратегия вождей «малого народа» (то есть разного рода твиттерариев и фейсбукеров) — средствами политического спектакля разрушить любую духовно-ценностную вертикаль, традиционно лежащую в фундаменте государственности, особенно государственности русской. Их задача сильно облегчается тем, что немалая часть выходящей на «болотные» митинги молодежи в культурном плане почти не является русской. Она не знает ни русской истории, ни русской литературы, ни русского кино, ни русских песен. Их «духовная» пища с детства — рок и Голливуд.

Россия как надежда

Из сказанного выше было бы неверно заключить, что наша страна не нуждается в модернизации. Элементы либерализма и капитализма (то есть Модерна) есть в любом обществе, но в здоровом национальном теле свобода и прибыль занимают свое место, не подчиняя себе все остальные проявления социального бытия. Даже в самом либеральном обществе государство так или иначе регулирует рынок. Что касается России, то рыночные отношения в ней всегда находились и должны находиться под строгим государственным контролем. Русский народ не любит формальной юриспруденции и не поклоняется правам человека — он признает избранника, за которым чувствует Божью руку. Только такому лидеру — отцу нации — по силам объединение рос-

сийского населения (христиан, националистов и атеистов, белых и красных, радикалов и либералов, капиталистов и пролетариев, богатых и бедных) в способное на осмысленное действие целое. Не продажный «средний класс» или бюрократия (им Россия чужда), а именно союз общенационального лидера с большинством народа нужен сегодня для модернизации России. Юридической формой такого союза в Руси XXI века является авторитетная президентская власть, реализующая себя одновременно «сверху», от народного идеала, и «снизу» — от повседневной общественной практики и местной инициативы. В сущности, это и есть современный державный проект в действии — он нигде не ушел и не может уйти из России. Чтобы отвечать за такую огромную и сложную страну, верховная власть должна располагать соответствующими рычагами управления, реализующими в практическом социальном действии энергетику цивилизационного основания (ядра).

Между прочим, мудрость русского народа заключается и в том, что он — вопреки мощному либеральному пиару — в большинстве своем голосует на выборах именно за реально действующую государственную власть. На своем опыте он испытал, что происходит в стране, когда к рулю в ней становятся «несогласные». Если самодержавный принцип в современной России иссякнет, в роли «самодержца» выступит сам народ и учредит такую нелиберальную демократию, от которой никому (прежде всего самим либерал-революционерам, готовившим ту или иную версию идеологии «цветного» переворота) мало не покажется. Именно таким может быть реальный и вполне «технологичный» ответ православно-патриотической духовности на вызов иных цивилизационных сил, ставящих под сомнение ее базовые идеалы. В основе нашей цивилизации продолжают сохраняться не корыстные установки в виде частной собственности, а ценности православной веры. «Нищие духом» оказываются

Стратегия вождей разного рода твиттерариев и фейсбукеров — средствами политического спектакля разрушить любую духовно-ценностную вертикаль, традиционно лежащую в фундаменте государственности, особенно государственности русской.

в России более значимыми, чем наглые и сытые. И никакие политики и олигархи тут не властны. Что касается способов/алгоритмов осуществления Русской идеологии, то выдумывать ничего не нужно. Полный набор мобилизационных практик содержит наша история — от опричнины Иоанна IV («самурайская модернизация» по-русски) и невосского парадиза Петра Великого до знамени России-СССР над Берлином и выхода смоленского паренька в 1961 году в космос. Выбирайте! Русский человек может сделать бесконечно много, если будет вдохновлен на бой или работу энергетикой общего дела. И наоборот, его деятельность уйдет в тень, «налево», если его мотивация ограничится соображениями наживы. Наше национальное путешествие во времени совершается не по линейной рационально-прогрессивной схеме (о, наив-

ный XIX век!), а острыми и порой непредсказуемыми всплесками, сдвигами, протуберанцами. Разумеется, русская цивилизация как коллективная личность имеет свои оборотные стороны, грехи и недостатки («свинцовые мерзости дикой русской жизни», по выражению Максима Горького). Однако никакие революции и реформы не преобразовали еще нацию крестьян и воинов в сетевую корпорацию торговцев и менял. А ведь именно в инаковой — по сравнению с глобалистским мейнстримом — России нуждаются сегодня и Запад, и Восток: рыночному мировому сообществу в его нынешнем виде осталось жизни несколько десятков лет...

Модернизация без вестернизации под знаком православной духовной и державной традиции — такова сверхзадача прогресса в нашей огромной евразийской стране.